

Про первую поездку Ильи Муромца (4)

Во славном городе во Уроме,
Во том селе Карачаеве
Был детинка тридцати лет,
Из речей детинка выговаривал:
«Уж ты ой еси, мать моя родимая!
Ты мне дай благословеньицо великое —
Мне итти нонче, ехать в стольной Киев-град,
Мне прямой дорогой прямоезжею,
Прямоезжей дорогой, малоезжей,
Котора пустела цела тридцать лет».
Говорит тогда матушка ему родимая:
«Прямой дорогой ехать — тебе живу́ не быть».
Просит от ей коня доброго.
Выводила она ему коня доброго,
Выносила сбруню лошадиную.
Выносила ему саблю вострую,
Выносила ему копейцо бурзомецкое,
Указала ему палицу буёвую,
Не малу, не велику — девяносто пуд.
Седлат он, уздат коня доброго,
Перехрестничок кладет через хребетну степь,
Он не для ради басы — ради крепости:
«Не оставил бы меня доброй конь во чистом поле».
Тогда седлат он, уздат коня доброго,
Кладет все доспехи богатырские.
Приготовил своего коня доброго,
Распрошшаитце тогда со своей родной матерью.
Тогда садилса молодец на добра коня,
Едёт детинка по чисту полю,
Едет он ступцёй бродовой.
Он доехал до столба номерована,
Написаны надписи немецкие:
Мне по первой бы дорожки ехать — быть женатому,
Мне по вто́рой ехать — быть богатому,
Мне по третьей дорожецки ехать — живу́ не быть.

Говорил детинка таковы слова:
«Мне вить, старому, женицця, пожалуй, не для чего,
Старому женицця — чужа́ корысть.
А мне богасьво, пожалуй, — не к диковинки.
А я поеду той дорогой прямоезжей,
Прямоезжей дорожкой, малоезжей,
Которой дорожецкой живу не быть».
Он доехал до болот до дыбучих,
Он сидит и роздумыват на своем коне добром:
«Я из Урома ехать до стольного —
Не ставать молодцу со добра коня,
Разрушить мне-ка будет свой велик залог».
Спускался молодец со добра коня
Левою рукою он коня ведёт,
И правую рукою сыро дубьё рвет,
Сыро дубьицо рвёт, себе-ка мост мостит.
Настелил себе мостики каленые,
Переехал он болота все дыбучие,
Тогда скакал на своего коня доброго,
Едет детинка по чисту полю.
Приезжал к вто́рой заставы великоей,
Стоят мужики малокерчана,
Их не мало, не много — сорок тысячей.
Подъезжат к этой силушки великоей.
«Уж вы братья-мужики малокерчана,
Где этта дорога прямоезжая,
Котора лежит в стольной Киев-град?»
А не то ему сказать — его убить хотят:
Стали молодца тогда поддерживать,
Коню добром копьём бока потыкивать —
Сидит молодец, посмехаицця.
Тогда берет он в руки палицу буювую,
Он поехал вдоль по силушки великоей,
Во праву руку махнёт, дак лежат улицей,
Во леву руку махнёт, дак — переулками.
Он вырубил всю рать-силу великую.
Тогда выезжал он на горы на высокие,
Завидел удала добра молодца
Соловеюшко его Рахматьевич.

Засвистел Соловей по-соловьиному,
Зашипел Соловей по-змеиному —
Его добрый конь подпинаецца,
О сыру землю носом подпираецца.
Он бил своего коня доброго,
Он бил его, ломал по тучным ребрам:
«Ах ты волчья сыть, травяной мешок,
Не слыхал ли ты свисту соловьиного,
Не слыхал нашего крику богатырского?»
Берет в руку правую тугой лучок,
Он вкладывал стрелочку каленую,
Ко стрелы молодец приговаривал:
«Уж ты, стрелочка моя калёная,
Калена стрела, муравлёная,
Ты не падай не на горы, не на воды,
Не спускайсе во темны леса дремучие,
Разлетись Соловеюшку во правой глаз!»
Полетела стрела, взвыла заплакала,
Она не пала не на горы, не на воды,
И не спустилась на темны леса дремучие,
А розлетелась Соловеюшку во правой глаз.
Свалилса Соловей со семи дубов,
Со семи дубов, семи поддубышов.
Подъезжат молодец не дремаючись,
Скакал на своего добра коня,
На добра коня садил вперее себя,
Приезжали ко палатам соловьиным —
Из окошечка увидела большая дочь:
«Видно, татушка едет, мужика везет».
Бросилась в окошко сама меньша дочь:
«Врите, мои сестры все любимые,
Мужик-от ведь едет — везет татушку».
Тогда становитца удалой доброй молодец
У тех палат соловьиных:
Большой-ёт сын бежит — в руках топор ташшит,
Ещё меньшой бежит со тупицею,
Большая дочь бежит — в руках ковш ташшит,
А меньша бежит с помешавкою.
Говорил Соловеюшко Рахматьевич:

«Да несите мои ноне золоты ключи,
Отпирайте мои погребы глубокие,
Откупайте меня золотой казной».
Поехал тогда доброй молодец,
Увез Соловья в стольной Киев-град.
Приезжал он ко стольному Киеву,
Едет детинка вдоль по городу,
Едет ко ограды ко церковной,
Где поют — служат обедню воскресенскую.
Спускался детина со добра коня,
Вяжет своёго коня доброго,
Насыпал ему пшеницы белояровой,
Наливал воды сладкой-медовой,
Он идёт тогда во храм-церковь соборную.
Он кресты то кладет по-писанному,
Поклон ведёт по-учёному:
Он кланяется на все четыре стороны,
Владымеру с княгиней — на особину.
Ставал молодец на праву руку,
Где стоят те ли русские богатыри,
Позаде паленицы преудалые.
Тут подходит Олёшинька Попович блад:
«Ты здравствуешь, удалой доброй молодец,
Ты какой земли, какого города,
Ты какого отца, которой матери,
Тебя как, молодца, именём зовут,
Величают тебя из отечества?»
Ответ держит удалой доброй молодец:
«Не то нонь поют, не то и слушают.
Нонь поют — служат обедню воскресенскую».
Отходила обедня воскресенская,
Выходят все вон на улицу,
И выходит удалой доброй молодец.
Он стоит у своёго добра коня
За той за оградой за церковной.
Приходил к ему солнышко Владымер-князь:
«Уж ты здраствуешь, удалой доброй молодец,
Тебя милости к нам просим на почесен пир!»
Садился Илья на своего коня доброго,

И едет детина вдоль по городу,
Он воротит ко ограды княженецкой,
Он заводит во ограду княженецкую,
Тогда вяжет своёго коня доброго
Ко тому ко столбу ко дубовому,
Ко тому ко колечку ко серебряну.
Заходит он в гридню светлую,
Во те ли палаты княженецкие,
Он Богу не молитца и челом не бьёт,
Только кланяетца на все четыре стороны,
А Владимиру с княгиной на особину.
Посадили тогда добра молодца
Во большо место — за переднён стол,
Подносили ему чару зелена вина,
Хоть не малу, не велику — полтора ведра.
Он беретца, детинка, единой рукой,
Выпивал эту чару единым духом,
Единым духом да одним помахом —
Не оставил во чарочки и в глаз пустить.
Говорил тогда солнышко Владимир-князь:
«Уж ты ой еси, доброй молодец!
Ты какой земли, какого города,
Какого отца, которой матери,
Тебя как, молодца, именем зовут,
Величают удалого из отечества?» —
«Зовут, говорит, меня Илеюшкой,
Величают меня — сын Иванович,
Я из славного города из Урома,
Из того из села Карачаева.
Ехал я дорогой прямоезжеей,
Прямоезжеей дорогой, малоезжеей,
Котора пустела целых тридцать лет.
Туды ясной сокол не пролетывал,
Серый волк туда не прорыскивал,
Доброй молодец удалой не проезживал.
Настелил я себе мостики каленые,
Переехал все болота я дыбучие,
Уж я вырубил всю рать-силу великую,
Братьев-мужиков малокерьчанов,

Их не много, не мало — сорок тысячей,
Не оставил живой души на сѣмена,
Привез я Соловья вам в стольной Киев-град».
Говорил тут Олешенька Попович блад:
«Пустым, молодец, похваляисся,
За винною чарой завираешся».
Говорил тогда Илеюшка Иванович:
«Уж ты ой еси, Олешинька Попович блад!
Спустись-ко, Олешка, на сыру землю,
Веди от моёго коня доброго,
Веди Соловеюшка Рахматовця
Во эту ли гридню светлую,
Во те ли палаты княженецкие».
Выходил Олѣшка вон на улицу,
Стоит Олѣшка на белом крыльце,
Он не смет спуститця со бела крыльца,
Говорил тогда Олѣшка таковы слова:
«Уж ты ой еси, Соловеюшко Рахматьевич!
Тебя милости просим на почесен пир». —
«Не твое я пью нонче кушанье,
Не тебя я, Олѣшинька, послушаю».
Заходит Олешка назад в гридню светлую,
Во те ли палаты княженецкие.
«Не слушат, говорит, меня Соловеюшко Рахматович».
Скакал Илейка через дубов стол,
Спускался Илейка со красна крыльца,
Он ведет Соловья на красно крыльцо,
Берет его за право крыло,
Заводил его в гридню светлую,
Во те ли палаты княженецкие.
Говорил тогда удалой доброй молодец,
Уж и тот же Илеюшко Иванович,
Говорил-то он таковы слова:
«Засвисти-ко, Соловеюшко, в четверть свиста».
Засвистел Соловеюшко во полный свист —
Княженецкие палаты все пошаталисе,
Питья на столах все проливалисе,
Упал тогда Владымер со резвых ног,
Пал он на бпрометь,

Бояра по застолью все напознались.
Тогда осердился Илеюшка Иванович,
Берет Соловья за право крыло,
Выводил Соловья вон на улицу,
Спускал его со красна́ крыльца,
Опускал его о сыру землю,
О сыру землю, о горюч камень,
Кончил его он тут вечну жизнь,
Розбóрвал он его начётверо,
Разметал он его по полю чистому,
По тому роздолью по широкому,
Худым птицам на съеденьицо.

*(Зап. Леонтьевым Н. П.: 2 июня 1938 г., д. Лабожское Нижнепечорского р-на
— от Тайбарейского Василия Петровича, 73 г.)*

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.